

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый вниманию читателей номер открывается рубрикой «Миф, политика, идеология в культурах Востока», к которой тематически примыкают публикации, представленные в разделе «Переводы».

Российское и — шире — русскоязычное информационное и культурное пространство издавна ориентировано на диалог с Западом в самом широком смысле этого слова (обмен идеями, символами, образами, мифами, ценностями и т. д.). Хотя о значимости диалога или по крайней мере знакомства с Востоком говорится довольно давно, Восток в культурном, идейном и политическом пространстве представлен гораздо скромнее. У такого положения дел есть свои серьезные исторические основания, и радикально переломить сложившуюся траекторию не представляется возможным при существующей социально-демографической ситуации. И тем не менее задачей востоковедов является по возможности наводить мосты и налаживать коммуникацию, знакомить отечественного читателя с историей, культурой и современной жизнью стран Востока.

В XX в. страны Востока пережили коренную трансформацию всех сторон жизни, а многие из них — и кровавые революции. Содержание этих трансформаций сводится к переходу от традиционных общественно-политических институтов и отношений к структурам индустриального общества. Соответственно этим изменениям происходят революционные перемены в мышлении, этике и идеологии. От старых традиционных укладов остаются лишь отдельные фрагменты, плохо вписывающиеся в современную действительность. Нередко эти осколки минувшего вступают в прямой конфликт с сегодняшним днем, стремясь остановить время и вернуть общество вспять. Стремительные волны модернизации, порождая противоречия, откатывают и сменяются периодами архаизации. Наблюдение за этими процессами побуждает вновь и вновь обращаться к традиционной культуре восточных обществ, их мифам и идеологемам, чтобы попытаться понять текущие общественно-политические процессы и спрогнозировать будущее.

Рассматривая культуру в первую очередь через призму текстов, авторы востоковедных статей обращаются к анализу довольно широкого круга восточных источников: от древнекитайских историко-идеологических сочинений вроде фундаментального «Шу-цзина» или «Исторических записок» («Ши-цзи») (Т. А. Сафин, М. С. Целуйко) через средневековые буддийские сутры и трактаты (Н. Н. Трубникова, М. В. Бабкова) к художественным и политическим сочинениям Нового времени — искрометным афоризмам позднеминского автора и литературного критика XVII в. Цзинь Шэнтаня (В. Б. Виноградская) и размышлениям крупнейшего китайского политического реформатора рубежа XIX–XX вв. Кан Ювэя (совместная статья Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой и Лю Лицю). С региональной точки зрения представленные статьи посвящены в основном анализу дальневосточных текстов и содержат соответствующие размышления о культуре Китая и Японии, однако в номер включены также две статьи по новозаветной и ран-

нехристианской проблематике (статьи **Г. Г. Ястребова** и **А. Б. Сомова**). Наконец, предметом статьи **С. Ю. Неклюдова** стали архаические представления о кризисе, отраженные в фольклоре и мифологии народов Азии и Европы.

Представленные исследования находятся на стыке исторических, филологических и религиоведческих дисциплин, что предопределило их подходы и методологию: авторы главным образом опираются на комплексный филологический анализ соответствующих текстов с акцентом на контент-анализ либо семантико-грамматический анализ; в некоторых случаях также прибегают к философскому, художественному и фольклористическому анализу. В отдельных исследованиях производятся сопоставления разных редакций текстов либо привлекается дополнительный археологический материал.

Фундаментальный этап любого востоковедного исследования — перевод источников, который сам со себе является отдельной и непростой задачей. До сих пор окончательно не решен вопрос выработки адекватного словаря описания соответствующих культур и их религиозно-философских систем. В первую очередь, конечно, речь идет о культурах Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии — регионов, в которых исторически и до сих пор распространены различные направления индуизма, буддизма, конфуцианства и даосизма. В некоторых статьях номера в качестве основной исследовательской задачи напрямую ставится пересмотр устоявшихся переводов источников — там, где такие переводы уже имеются. При этом следует помнить, что подавляющее большинство текстов, составляющих наследие соответствующих традиций, до сих пор не переведены на русский язык. Многие из них не имеют переводов ни на один из европейских языков. Введение в отечественный научный оборот таких текстов было главной задачей, которую ставили перед собой авторы раздела «Переводы» (**Д. А. Худяков, Н. Н. Трубникова, В. Б. Виноградская**).

Следующим необходимым логическим шагом на пути востоковедных исследований является включение полученного из источников материала в общетеоретический контекст исторической, филологической или религиоведческой науки. Необходимо отметить, что изучение истории народов Дальнего Востока в отечественной науке, несмотря на достаточно солидный возраст, зачастую находится на уровне первичного освоения источников и значительно отстает в теоретическом плане от осмысления исторического процесса в странах Европы, Ближнего Востока или в самой России. Ряд статей данного номера призван хотя бы начать процесс восполнения этого недостатка. Так, в статье **Т. А. Сафина** на относительно небольшом материале ставится важный теоретический вопрос о зависимости переводов источников от идеологических установок не только самого переводчика, но и, возможно, в еще большей степени от установок сложившейся комментаторской и интерпретаторской традиции, которой переводчик волей-неволей следует при работе над источником. Здесь же поднимается вопрос о научных критериях перевода. **М. С. Целуйко** ставит не менее значимый теоретический вопрос о критериях разграничения процессов этногенеза и политогенеза и предлагает решение этого вопроса на китайском историческом материале.

Заметное место в номере занимают статьи, посвященные буддийским текстам XI–XIII вв. (**Н. Н. Трубникова** и **М. В. Бабкова**). Вообще, огромная традиция дальневосточного буддизма, представленная множеством школ и направлений со своими национальными ответвлениями и разноплановыми литературными жанрами, заслуживает гораздо более пристального внимания и глубокого изучения. Тексты источников, вводимые здесь в оборот, переводятся на русский язык впервые. Помимо средневековых философских трактатов наставника Догэна (XIII в.) внимание также уделено жанру поучительных рассказов, адаптировавшему буддийское вероучение для широкого круга читателей («Записи о чудесах Лотосовой сутры» — *Хоккэ гэнки*, XI в.).

Иные дальневосточные религиозно-философские традиции также не остались обойденными вниманием авторов: в контексте конфуцианской традиции приводится перевод значимого средневекового пропедевтического текста «Суждений и высказываний для женщин» (*Ньюй Лунь-юй*; статья **Д. А. Худякова**), само название которого со всей очевидностью отсылает к оригинальным Конфуциевым «Суждениям и высказываниям»; даосская традиция рассматривается в преломлении через художественное творчество выдающегося российского востоковеда и религиоведа **Е. А. Торчинова** (**П. Д. Ленков**).

В рамках представленной в номере библейской тематики **Г. Г. Ястребов** рассматривает разные подходы к давней проблеме отношения Иисуса к заповедям кашрута, а **А. Б. Сомов** поднимает экзегетическую проблему воскресения праведников в момент смерти Иисуса на кресте и отражения этого предания в позднейших христианских текстах. Хотя библейско-христианская проблематика явным образом стоит особняком от дальневосточных традиций, полезно помнить о ее ближневосточном происхождении и соответствующей необходимости учитывать ближневосточный контекст для понимания и интерпретации библейских реалий.

Авторы и редакция надеются, что представленные переводы и исследования позволят в некоторой степени углубить понимание восточных культур и поспособствуют дальнейшему межкультурному диалогу.

Следующая рубрика, «Литературный текст: стратегии создания и интерпретации», объединила статьи, авторы которых рассматривают относящиеся к различным эпохам разножанровые тексты (от античной драмы до постмодернистского романа), и призвана ответить на вопросы, с одной стороны, о языковых и художественных средствах, позволяющих сконструировать литературный текст (а в случае перевода — адекватно передать его), и, с другой стороны, о возможностях интерпретации этих средств путем филологического анализа в широком смысле слова.

Так, **С. А. Харламова**, обращаясь к схолиям, античным и византийским словарям, выявляет возможности трактовки редкого глагола *προφορέομαι*, в частности, использованного в «Птицах» Аристофана, где этот глагол имеет семантику движения туда-сюда. Проведенное исследование позволяет утверждать, что лексема изначально имела ремесленное значение, связанное с работой на ткацком стане, и лишь впоследствии (уже у Аристо-

фана) приобрела значение метафорическое. **С. Ю. Павлова** анализирует сюжетные и текстуальные самоповторения в комедиях Мольера, приходя к выводу о том, что они отражают рефлексию драматурга, с одной стороны, над задачами комедии в целом, а с другой — над такими важными элементами современной ему культуры, как ученость и галантность. Предметом статьи **В. Д. Алташиной** стали три эссе, включенные в «Салоны» Дидро: обращение последнего к разнообразным риторическим приемам и особенностям различных литературных жанров, подробно проанализированным в статье, позволяет передать вербальными средствами визуальные сюжеты и образы, запечатленные на картинах французских художников XVIII в. **М. Д. Левина** на примере двух редакций стихотворения Бориса Пастернака «Марбург» (1916 и 1928 гг.) демонстрирует, как на протяжении времени менялись творческие стратегии поэта: если в ранней редакции выявляются отчетливые следы влияния поэтики Игоря Северянина, то в поздней Пастернак целенаправленно и последовательно от них избавляется. Статья **Д. В. Шулятьевой** посвящена распространенному в литературе и кинематографе рубежа XX и XXI вв. механизму так называемого разветвленного повествования, который подразумевает наличие в произведении нескольких сюжетных линий, связанных с одним и тем же персонажем (или персонажами), и рождает у читателя нарративную эмоцию удивления. Особое внимание при этом уделяется роману американского писателя Поля Остера «4321», вышедшему в 2017 г. Наконец, статья **Е. Н. Стародумовой** носит обзорный характер: ее автор рассматривает историю западного переводоведения, в конце XX в. обособившегося в качестве самостоятельной гуманитарной дисциплины — translation studies; демонстрирует наиболее значимые тренды этой дисциплины; новое понимание в ее рамках задач перевода как такового и роли переводчика.

Завершает раздел «Статьи» небольшая рубрика, в которой затронуты некоторые аспекты религиозной культуры. Статья **А. Г. Апресян**, написанная на стыке философии, филологии и теологии, посвящена отражению темы духовного совершенствования «внешнего» и «внутреннего» человека в «Книге скорбных песнопений» средневекового армянского поэта и богослова Григора Нарекаци. **А. В. Сахарова** подробно анализирует функции колокольного звона в европейской и русской культуре Средних веков и раннего Нового времени и опровергает популярное представление о существовании древней традиции бить в колокол для избавления от эпидемий. Как убедительно показано в статье, это представление (в частности, в России обосновывающее соответствующие практики во время пандемии коронавируса), с одной стороны, обусловлено ложным пониманием молитв из чина освящения колокола, а с другой — восходит к паранаучным теориям XX в., адаптировавшим идеи нью-эйджа.

В разделе «Рецензии» вниманию читателей предлагается текст **Д. В. Петрухиной** о книге британского историка Ч. Мэнселл «Служанки в Англии раннего Нового времени» (Female servants in early modern England. Oxford: Oxford Univ. Press, 2024).